

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1585-1595
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1585

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Modern Research on the Institution of Khan Power of the Kazakhs in the Imperial Period

Nurgul N. Kurmanalina ^{a, *}, Timur A. Ryskulov ^a, Ziyabek Ye. Kabuldinov ^a, Olzhas B. Kuanbay ^b

^a Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Ankara University, Ankara, Republic of Turkey

Abstract

The article deals with the problems of modern historiography on the topic of the history and evolution of the khan's power in the traditional Kazakh society of the modern period. Khan power of the Kazakhs has deep roots of its origin in the period of antiquity, but institutionally it takes shape in the era of the Middle Ages, the time of the Mongol conquests. In Russian pre-revolutionary historiography, the institution of khan power was not generally distinguished from the general context of Kazakh history into a separate subject of study. The situation began to change in the Soviet period, when special attention was paid to the state-legal aspects of the development of the Kazakh society of modern times. Modern Kazakh and Russian historiography of the problem is represented by works written using new scientific approaches and theoretical concepts. At the same time, in the study of the institute of khan power, there are still a number of unexplored aspects, as well as an assessment of the khan power of the Kazakhs, and its role in the weakening and decline of the Kazakh Khanate.

Keywords: Genghisides, sultans, institute of khan power, Kazakh zhuzes, Russian Empire, control system.

1. Введение

В период Нового времени Российская империя была крупнейшей сухопутной державой, занимавшей колоссальные территории на Евразийском континенте: от Памира и Гиндукуша на юге до Арктики на севере, а также от Тихого океана на востоке до Балтии на западе. Важным компонентом в военно-политическом господстве России был контроль над обширными степными пространствами Западной Сибири, частями Волжско-Уральского междуречья, северного Приаралья, а также нижнего и среднего Прииртышья. Указанные территории исторически составляли ареал тюркской степной кочевой цивилизации, этнически воплощенной в период Нового времени в казахский племенной союз, а в государственно-правовом плане существовавший в виде трех казахских жузов, управлявшихся избираемыми ханами. В этой связи представляет интерес то, как Российская империя выстраивала свою внешнюю политику, направленную на покорение и дальнейшую инкорпорацию Казахского ханства, к границам которого Россия вышла с завоеванием Западной Сибири в начале XVIII века. Казахское ханство занимало обширную площадь с громадным и неосвоенным земельным фондом, благоприятным как для ведения земледелия, так и скотоводства, занятия звероловными промыслами, а кроме того, имело стратегически важное транзитное положение, поскольку именно через земли Казахского ханства проходили торговые караванные пути из России в среднеазиатские государства, Афганистан и Персию. Население Казахской степи было относительно малочисленным, принимая во внимание соотношение с занимаемой территорией, вело кочевой образ жизни, имело собственные исторически сложившиеся традиционные институты государственного устройства и общественной организации. Важным компонентом во внутреннем устройстве и проведении внешней политики Казахского ханства был институт ханов или же институт ханской власти. Именно взаимоотношения русских царей, а затем и российских императоров с

* Corresponding author

E-mail addresses: nurgulca@mail.ru (N. Kurmanalina)

казахскими ханами стали основой двухсторонних военно-политических, культурно-хозяйственных и торговых связей между Казахстаном и Россией в период Нового времени. Как показали дальнейшие исторические события, процесс присоединения казахских жузов к Российской империи юридически и фактически занял чуть более ста лет, начиная с 1730 года, т.е. времени принесения ханом Младшего жуза Абулхайром присяги на верность императрице Анне Иоанновне. На протяжении всего этого периода процесс присоединения или же инкорпорации казахских жузов напрямую зависел от отношений Российской империи с казахскими ханами, некоторые из которых в стремлении сохранить свою власть все больше стали опираться на российские колониальные военно-административные власти Западной Сибири и Оренбуржья. Такая опора на самодержавие привела к постепенному ослаблению ханской власти как таковой, которая в казахском обществе начала переживать внутренний кризис своего развития. В итоге были приняты такие имперские законодательные акты, как Устав о сибирских киргизах (казахах) 1822 года и Устав об оренбургских киргизах (казахах), которые де-юре и де-факто привели к ликвидации ханской власти в Младшем и Среднем жузах. Одновременно с этим Российская империя перешла к новым, более прямым формам военно-политического контроля над казахскими территориями обоих жузов, установив в них новые формы административного управления, но уже с опорой на султанское сословие, когда последние назначались главами организуемых внешних округов в Среднем жузе, а также утверждались султанами-правителями в Младшем жузе.

2. Материалы и методы

Основными материалами при проведении данного исследования стали труды, посвященные проблематике казахско-русских отношений в период нового времени, хронологически охватывая 1730–1820-е гг., т.е. времени существования Казахского ханства как де-юре независимого государственного образования. В частности, авторы опирались на сведения, заимствованные из работ современных казахстанских и российских историков. Они представлены как отдельные научные статьи, опубликованные в рецензируемых журналах, сборниках конференций, а также в виде параграфов и разделов в коллективной монографии и прочих изданиях. Дополнительно привлечены материалы с опубликованных архивных сборников и материалы из самого архивного фонда, а также казахского фольклора. Например, в Российском Государственном историческом архиве (РГИА) в фонде 1264 – «Первый сибирский комитет», хранятся отчеты о деятельности комитета и отчеты М.М. Сперанского о состоянии управления Сибирью, где имеются сведения, касающиеся рассматриваемой проблемы.

В историографическом исследовании методологическую базу составили современные концепции, основанные на культурном и цивилизационном плюрализме, рассматривающие кочевую (номадическую) культуру наравне с другими цивилизациями. В основе исследования лежат принципы историзма и научного объективизма. В работе использованы такие научные методы, как анализ, синтез, сравнительно-исторический, а также историко-типологический дали возможность более детально раскрыть рассматриваемую проблему. Использование вышеназванных методов при написании данной работы послужило раскрытию особенностей в исследовании указанной темы, благодаря чему систематизированы заключения и выводы авторов по ключевым аспектам истории института ханской власти.

3. Обсуждение

Вопросы института ханской власти у казахов в период нового времени представлены в ставших классическими работах таких дореволюционных авторов, как Ч.Ч. Валиханов, И.Г. Георги, А.И. Левшин. Ч.Ч. Валиханов пишет, о том, как воспринимались султаны простым народом, по их мнению, потомки Чингис-хана происходили от солнечного света и имели божественное происхождение (Валиханов, 1985: 39). По мнению И.Г. Георги, в имперский период характер ханской власти был ограниченным (Георги, 1799: 124). В работе А.И. Левшина сравнительном плане подробнее описываются вопросы, касательно института ханской власти. Например, он детально описывает процедуру возведения в ханское достоинство султана Меньшей орды Ширгазы (Левшин, 348-349). В целом, дореволюционные авторы в силу своих возможностей собирали сведения, оценивали, и публиковали результаты своих наблюдений. Благодаря их трудам можно ознакомиться с первичными источниками по истории института ханской власти у казахов в новое время.

В советское время данная проблематика была разработана казахстанскими историками М.П. Вяткиным, Е.Б. Бекмахановым, С.З. Зимановым, С.Е. Толыбековым и др. в свете формационного подхода и теории марксизма-ленинизма. М.П. Вяткин в одном из своих главных трудов, посвященных известному батыру Младшего жуза Срымү Датову хорошо показал процесс ослабления ханской власти в указанном Младшем жузе, вызванный как внутренними причинами – борьба между чингизидами, часть из которых опиралась на российские колониальные власти, другая же на широкие народные массы, так и внешними – усиление российского влияния на казахские жузы (Вяткин, 1947: 147-150). Е.Б. Бекмаханов в своих основных трудах рассматривал развитие института ханской власти в казахском кочевом государстве, отмечая, что восстание Кенесары Касымова привело к восстановлению данного института в казахском кочевом обществе на короткий срок, а также имело ограниченный географический охват, распространяясь на земли подконтрольные султану Кенесары Касымову (Бекмаханов, 1957: 111-112). С.Е. Толыбеков указывал на слабость власти казахского кочевого хана, опираясь на труды

дореволюционных авторов (Толыбеков, 1971: 344). Б.С. Сулейменов и В.Я. Басин указывали, что ослабление ханской власти в Младшем жузе было вызвано стимулированием со стороны царской колониальной администрацией борьбы феодальных группировок за власть (Сулейменов, Басин, 1981: 66). Согласно заключению, С.Е. Зиманова, если власть ханов, открыто перешедших в лагерь колонизаторов, лишалась поддержки основной массы, а также части крупной знати и была слабой, то власть ханов, выдвинутых знатью без влияния колониальных властей, была относительно независима и сильна (Зиманов, 2009: 114). С.Е. Зиманов в своем труде более подробно изучал вопросы ханской власти. Согласно его выводам, в низвержении ханской власти в основном участвовали три силы: 1) народные массы в отдельных местах требовали ее ликвидации; 2) намерение царской власти, которая хотела использовать ханскую власть, затем уничтожить ее; 3) тенденции к децентрализации власти усложняли кризис ханской диктатуры (Зиманов, 2009: 156). Хотя отдельные вопросы института ханской власти изучались в советский период, в целом, рассматриваемая тематика не выступала в ряде актуальных проблем.

4. Результаты

Известно, что традиционное казахское общество ханского периода исторически состояло из двух социальных групп – ак-суйек (белая кость) и кара-суйек (черная кость), т.е. знати и престолярства. И все-таки именно ханы, происходившие из султанов, являлись вместе с указанным султанским сословием элитой, или верхушкой казахского традиционного социума. Положение ханов в казахском традиционном обществе хорошо описывает следующий архивный документ: «*Киргизы (казахи – Авт.) имеют два различных сословия: сословие благородства и сословие престолярное. Сословие благородства заключается в одних султанах. Султаны происходят от поколения ханов, древних владетелей киргизских, получают звание свое наследственно и сообщают оное потомственно. По согласию какого-нибудь рода султаны сии без всякого участия ханов призываются для управления оными. Султаны не редко лишаются власти, но никогда не лишаются сего именованья*» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 14). Именно в этих понятиях «сословие благородства» и «сословие престолярное» обозначены русским дореволюционным автором традиционные казахские социальные группы ак-суйек и кара-суйек.

Высшее аристократическое сословие казахов составляли чингизиды, именуемые *торе*, которые не относились ни к одному из казахских родов или племен, образующих трехжузовую этнополитическую систему. Исторически престиж и авторитет представителей чингизидской династии признавались, помимо самих казахских жузов, в ряде тюркоязычных государствах и народах, где они олицетворяли собой память о великом монгольском правителе, «Сотрясателе вселенной» Чингисхане. Авторитет и почитание чингизидов напрямую выражались в приглашении их рядом среднеазиатских государств на роль правителей – ханов. Как пример можно привести Хивинское ханство, каракалпаков, Бухарский эмират и др. (Материалы..., 1969; История Казахстана..., 1997: 516). Лишь только представители чингизидского сословия могли стать ханами, что по факту формировало у них политическую монополию на верховную власть в кочевом обществе казахов. Само же чингизидское сословие состояло из султанов.

По мнению историков А.Х. Бикенова и М.С. Жакина, с древности и до XVIII века ханская власть у кочевников наследовалась с соблюдением особых правопреемственных традиций, когда власть предоставлялась не прямо сыну, а братьям правителя, то есть по принципу старшинства в роде (Бикенов, Жакин, 2003: 78). Вместе с тем передача власти от одного представителя династии к другому требовала соблюдения процедуры легитимации со стороны широких народных масс, что является прямым свидетельством бытующего с древности сохранения принципов кочевой военной демократии. Данная процедура требовала от претендентов-султанов всеми силами стараться заслужить расположение народа. Таким образом, в кочевом обществе недостаточно было иметь соответствующую генеалогию, необходимо было еще уметь находить общий язык с широкими народными массами и элитой, считаться с их интересами (Ужкенов, 2020: 503). Вместе с тем исторически были примеры того, когда в казахском обществе ханская власть передавалась от отца к сыну, как это было сделано ханом Младшего жуза Абулхайром, передавшим власть своему сыну Нуралы, а в Среднем жузе хан Абылай выбрал своим преемником старшего сына Уали. В данных случаях также сыграл свою роль фактор поддержки со стороны российских пограничных властей Западной Сибири и Оренбуржья. Кроме того, как отмечают исследователи, далеко не всегда процесс передачи власти проходил мирно и безболезненно для страны, поскольку нередко во время избрания ханов возникали враждующие группировки султанов, всеми средствами боровшихся за власть. Данное обстоятельство возникало от того, что не было строго закрепленных правил или же уложений, по которым проходил процесс передачи власти или избрания хана. В итоге групповая борьба между султанами нередко оборачивалась сильными распрями и вооруженными столкновениями. Нередко после кончины хана в государстве наступали смутные времена, вызванные кризисом власти (История Казахстана, 1997: 520).

Институционально фигура или должность хана заключалась не только в соблюдении принципа принадлежности к правящей династии, освященной веками и традицией, но и это должен был быть, говоря современным языком, умелый администратор, знаток традиций и обычаев, организатор

хозяйственной жизни населения, верховный арбитр в суде и спорах, знающий основы животноводства, харизматичный и волевой военачальник, обладающий к тому же и личной храбростью (ханы Тауекель, Жангир, Абылай). Кроме того, в сознании народа хан символизировал благополучие общества, смена же его в результате болезни или смерти в бою всегда рассматривалась как перемена к плохому и даже предвещала катастрофу. Данный набор характеристик, присущий претендентам на ханский трон, может говорить о наличии в казахском традиционном кочевом обществе принципа меритократии (Ужкенов, 2020: 503).

Употребление титула «хан» в смысле государя, правителя уходит в глубь веков – древнетюркскую традицию хаканов/каганов, а возможно, и в хуннский период. Вместе с тем институт и сам титул хана, бытовавший у казахов в период Нового времени, имеет своим генезисом эпоху Средневековья, а именно так называемый монгольский период в истории Евразии, т.е. XVIII век. Возникшее в середине XV века на территории Семиречья (Жетысу) Казахское кочевое государство было построено на принципе верховенства ханской власти. Как доказывает специалист по средневековой истории Н.А. Атыгаев, опираясь на источники разных языков, Казахское ханство в период своего возникновения и укрепления признавалось как независимое государство, а его хан приравнивался к правителям других сопредельных стран того периода. Казахское ханство было полноправным субъектом международных отношений и имело дипломатические отношения с рядом соседних государств, включая Китай, Россию, Иран, Афганистан, а также Турцию (Атыгаев, 2015: 112, 287). Именно ханская власть была фактором политической консолидации родов и племен, населявших восточную часть Дешт-и-Кипчака, а сильная ханская власть являлась силой, цементирующей государственное единство и стабильность. К примеру, видный историк-востоковед Б.Е. Кумеков и другие историки Казахстана единогласны во мнении о том, что при сильных и харизматичных ханах, таких как Касым, Хак-Назар, Тауекел, Есим, Тауке-хан, Казахское государство было политически единым, централизованным и играло заметную военно-политическую роль в регионе Средней Азии, Джунгарии, а также Иране и Афганистане. Ханы объединяли народ, закрепляя за ним этническую территорию, способствовали развитию материальной и нематериальной культуры (Кумеков, 2015: 45). Исторически Казахское ханство сыграло свою судьбоносную роль для современного Казахстана, послужив для него этническим и территориальным фундаментом, поскольку во многом нынешние границы республики на 80–90 процентов соответствуют границам единого Казахского ханства в период его наивысшего могущества. Вот почему в 2015 году на государственном уровне происходило празднование 550-летия Казахского ханства – исторически важной даты для Республики Казахстан, являющейся его правопреемником. Институт ханства в Казахском государстве и обществе начинает ослабевать по ряду внешних и внутренних факторов, начиная примерно с 1730 года, когда началась постепенная трансформация института ханской власти, вызванная начавшимся процессом присоединения казахских жузов к Российской империи.

Рассмотрение властных и социальных функций хана широко представлено во многих работах современных историков Казахстана. Так, И.В. Ерофеева выделяет в качестве самой главной функции ханской власти у казахов организацию вооруженной защиты населения от вторжений извне и военных набегов в соседние этнокультурные ареалы, которая играла интегрирующую роль в потестарно-политической системе казахского традиционного общества (Ерофеева, 1996: 43). Ханы могли быть одновременно батырами (военными предводителями ополчений) и дипломатами. Кроме того, хан мог быть главнокомандующим непосредственно или же мог делегировать свои полномочия другому, как, например, в случае с ханом Тауке, который вследствие тяжелой болезни не мог самостоятельно вести войска в бой. Хотя ханская власть предполагала верховную власть, но при этом те или иные решения правителя могли подлежать изменению в силу необходимости хану считаться с мнением народа, а также членов ханского совета, как это было с ханом Младшего жуза Абулхайром, когда часть старшин выступила против самостоятельного принятия решения о российском протекторате. Судебные же полномочия хана как верховного арбитра актуализировались лишь тогда, когда ведущие тяжбу стороны не могли прийти к самостоятельному решению конфликта. Примечательно, что в казахском традиционном кочевом обществе даже сам хан мог быть призван в качестве ответчика, как, например, в случае Нуралы-хана, когда он был приговорен к выплате куна простому кочевнику за причиненные побои. Одной из наиболее важных функций хана, являвшихся его прерогативой, было ведение внешнеполитических дел, предполагавших переговоры, заключение военно-политических союзов и мирных соглашений. При этом необходимо было согласование с членами ханского совета и приближенными, поскольку те или иные решения правителя в Казахском ханстве могли быть пересмотрены под давлением общества или знати (Шотанова и др., 2022: 594). При наличии у хана большого круга полномочий и функций, делавших его власть верховной, все же власть его не была абсолютной.

В Казахском ханстве, начиная с первой трети XVIII века, именно ханы и султаны-чингизиды были проводниками для российской имперской власти в ее продвижении в глубь казахских степей. Именно через ханов Российской империей был проложен путь к инкорпорации казахских жузов, о чем единогласно свидетельствует большинство исследователей. Вплоть до конца XVIII века царское правительство в своей политике по подчинению казахских жузов делало ставку на ханов и султанов как своих прямых агентов в степи (Мажитова, 2014: 91), а чингизиды как сословие были объектом

имперской политики в освоении Казахской степи уже в XVIII веке (Ужкенов, 2020: 514). Царские власти в своей политике подчинения казахских жузов пытались воздействовать на них с помощью ханов, выработав из них инструмент для проведения своей «восточной политики» (Султанов, 2011: 108). З.Е. Кабульдинов оценивал роль и место ханов и султанов в казахском традиционном обществе периода нового времени как защитников и выразителей интересов своего народа (подданных) с одной стороны, но с другой все больше опиравшимися на поддержку российских колониальных властей для укрепления своей личной власти (Кабульдинов, 2018: 53, 60).

Со временем ханы из опоры российских имперских властей в их продвижении в казахские степи сами стали опираться на колониальную власть, используя ее материальные и военные ресурсы в стремлении сохранить свою личную власть за собой и своими потомками. Данное обстоятельство во многом стало причиной ослабления авторитета ханской власти в казахском обществе, которое больше не видело в ханах свою надежную опору. Таким образом, возник кризис внутреннего развития института ханской власти в казахском традиционном кочевом обществе. Ситуацией не замедлили воспользоваться российские колониальные чиновники, сделав первый шаг по внедрению административных порядков России во внутреннюю социально-политическую структуру Казахстана, что отмечается в работе Б.М. Абрахмановой. Она, ссылаясь на архивные источники, приводит заключения М.М. Сперанского, где подчеркиваются слабые стороны социально-политического развития казахского общества того периода, которые Россия может выгодно использовать без нарушения международно-правовых норм:

1. Отсутствие международно-правовых форм протеста со стороны казахов или других народов против занятия Россией этих районов в момент основания здесь крепостей. Поэтому земельные претензии, предъявляемые казахами после многолетнего функционирования штатных государственных укреплений России, не могут иметь силы.

2. Отсутствие юридических договорных отношений с казахами или другими государствами о согласии или несогласии с проведением западносибирских линий. Это снимает ответственность с российского правительства за правомерность или неправомерность своих действий при основании линий.

3. Отсутствие правового понятия государственной границы и органов, специально предназначенных для фиксации и охраны границ у казахов.

4. Казахи юридически являются подданными Российской империи, что дает ей право «... с важными обоюдными выгодами как для России, так и для киргиз-кайсаков и по действительному праву может быть увеличено влияние Российского правительства на дела во внутренних занимаемых киргизских землях» (Абрахманова, 2010: 15; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 50).

Внедрение указанной прямой системы административного управления теперь требовало только ликвидации ханской власти, ставшей к тому времени рудиментом, что позволяло Российской империи перейти к следующему этапу включения казахских жузов в свой состав, тем самым юридически завершить присоединение Среднего и Младшего жузов к империи, поставив под контроль внутривосточную ситуацию в степи и способствовать приведению казахов в «гражданское состояние», как писал М.М. Сперанский (Традиционное казахское..., 2014: 54).

Все большее вовлечение казахских жузов в орбиту влияния Российской империи привело к трансформации общественных институтов, в том числе и института ханской власти. Даже сама процедура возведения в ханское достоинство претерпела немало изменений. К примеру, исследователь Т.Т. Далаева в своей статье, изучая вопросы изменения формы и содержания церемонии возведения хана на престол, приводит сведения о трансформации процедуры выбора ханов – Нуралы, Абылая – после принятия подданства империи. Она также рассматривает указ «Об обрядах выбора и утверждения киргиз-кайсацких ханов в их достоинстве» № 17080 от 9 ноября 1792 г. Согласно указу, в ритуале возведения в ханское достоинство созыв курултая остается необходимым, но место проведения церемонии определяется царской администрацией. Были исключены некоторые процедуры, например, поднятие хана на белой кошме, также добавлены детали: зачитывание патента и официальное оформление клятвы, то есть подписание присяги на верность. Церемония сопровождалась салютом из пушек, а спустя пару дней устраивался бал. То есть постепенно увеличивается роль империи в данной процедуре и это оформляется соответствующими документами, конкретно обозначается по пунктам. Но тем не менее автор замечает, что если присмотреться к другим национальным окраинам, где влияние царской администрации не было сильным, то там наблюдается традиционная церемония возведения в ханское достоинство. Даже после реформ 1822–1824 гг., приведших к ликвидации ханской власти в казахских жузах, описанный обряд назначения хана будет служить дальше для возведения в должность старших султанов (ага-султанов), возглавлявших казахские внешние округа в Западной Сибири. Хотя форма ритуала сохранила свою востребованность, однако структура процедуры сильно трансформировалась (Далаева, 2011: 20-23). Об этом также пишет и Ж.С. Мажитова: «Начиная с середины XVIII в., по мере усиления позиций России в регионе она (избрание хана) постепенно превращалась в фикцию, в которой переплелись старый принцип избрания на ханский престол претендента с новыми, привнесенными извне, значительно трансформировавшими данный порядок в сторону ослабления этого важного выборного института» (Мажитова, 2014: 94).

В работах историков можно заметить несколько моментов, которые в некоторой степени повлияли на ускорение ослабления ханской власти у казахов:

- в период казахско-джунгарского устанавливается отчетливая степная демократия, что приводит к возрастанию авторитета биев и батыров, представителей «кара суйек», наряду с мощной властью чингизидов – ханов (Козыбаев, 1996: 10);

- ставленники России не пользовались в среде старшин и биев уважением отчасти от того, что последние уже не принимали активного участия в них, соответственно, ханская власть не пользовалась авторитетом и среди народа (Мажитова, 2014: 94);

- ...имперские власти обеспечивали «избрание» (а по сути, назначение) в качестве ханов не слишком эффективных правителей, не способных поддерживать в народе образ ханов как сильных и энергичных властителей, защитников интересов Казахстана перед российскими властями (Почекаев, 2017: 126; Быков, 2006: 136);

- регулярные войны, изменение сложившихся путей кочевков, увеличение влияния оседлых культур, сжатие пастбищных угодий – указанные факторы повлияли на ослабление ханского престижа;

- восстание Срыма Датулы (Датова) указало на ослабление ханской власти в среде казахского народа. Факт убийства хана Срымом Датулы было переломным моментом, показывавшим личное отношение предводителя восстания к этому (по его мнению) ненужному и изжившему себя институту, хотя еще чуть больше века назад по законам Тауке-хана убийство хана рассматривалось как серьезное преступление, грозившее смертной казнью;

- в целом ход событий в конце XVIII – начале XIX вв. в Младшем жузе способствовал сильному падению авторитета института ханской власти и перед казахским населением, и перед царской администрацией (Ужкенов, 2020: 503-504, 517);

- роль биев, которые выполняли в Казахской степи не только функции судей, но и предводителей родов были движущей силой казахского общества, что можно проследить во всех работах русских дореволюционных исследователей края. Без поддержки сословия биев ханская власть, особенно после присоединения Казахстана к России, потеряла бы свою силу и постепенно значение (Мажитова, 2014: 91);

- после Абылай-хана его сыновья Уали, Ишим и Касим старались властвовать над народом, но они не могли править в направлении, созданном Абылаем. Вместо того чтобы объединять народ, их правление вызвало недовольство племен и нарушило мирный быт, в результате чего страна стала разрозненной, а господство ханов привело к саморазрушению (Бабалар..., 2012: 155);

- царская власть одновременно противопоставляла друг другу разные династии чингизидов, а также отдельных ханов, султанов (Быков, 2006: 136);

- если народом избирался сильный и самостоятельный, влиятельный султан, его российская администрация не признавала в качестве хана (например, султаны Каратай, Арынгазы, Каип-Гали, Кенесары, Абулгазы и пр.). Абылай тоже по этой же причине был утвержден ханом очень поздно (Быков, 2006: 136).

Первые попытки изменения административного управления в Казахской степи империей предпринимались уже в конце XVIII века, они отражены в рескрипте Екатерины II от 12 ноября 1786 г. барону О.А. Игельstromу – Симбирскому и Уфимскому наместнику, в ведении которого находились казахские дела. Императрица предлагала изыскать возможность организации уездов. Установление определенного количества территориальных единиц создало бы возможность организации низовых структурных звеньев управления. По проекту А.О. Игельstromа были созданы расправы для управления тремя основными союзами племен Младшего жуза. Однако указанные планы, и в особенности их осуществление, не принесли желаемого результата в силу ряда причин. Пограничный суд, организованный из представителей казахской знати и царской администрации, предназначенный для разбора межродовых тяжб и русско-казахских разногласий, был закрыт в 1799 г., поскольку также не смог нормально функционировать. Расправы распались в 1806 году. Так, в течение первого столетия (1730–1820-е гг.) казахи Младшего и Среднего жузов управлялись через пограничную систему, вместе с тем реальная власть внутри казахского общества еще оставалась в руках ханов и султанов (Койгельдиев, 2002: 10), а русское правительство не вмешивалось во внутреннее управление казахов (Султанов, 2011: 108).

К 20-м годам XIX века русская администрация уже смогла распознать действительное значение казахских ханов, поскольку многолетняя опора на ханскую власть показала, что она не имеет под собой реальной экономической и социальной основы (Абдрахманова, 2010: 50).

Оренбургский генерал-губернатор П.К. Эссен разработал проект «Устава об управлении оренбургских киргизов», который был представлен на рассмотрение в Комитет азиатских дел (впоследствии – Азиатский департамент Министерства иностранных дел) (Почекаев, 2017: 129). Эссен предложил правительству в своем проекте Устава об оренбургских киргизах 1822 г. полностью ликвидировать институт ханской власти в Меньшей (Зауральской) орде, однако проект не приняли. После долгих обсуждений он был утвержден с доработками под заглавием «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» в январе 1824 года (Быков, 2006: 141).

Вслед за Средним жузом ханская форма правления была упразднена и в Младшем жузе. Положение об отдельном управлении оренбургскими казахами 1824 г. отстраняло от власти последнего хана Шергазы, сослав его в Калугу (Касымбаев, 1996: 60; Почекаев, 2017: 129).

Абдрахманова сопоставляла деятельность Западно-Сибирской администрации с Оренбургской в деле пользования Уставами 1822–1824 гг. Если Сибирский оставлял право «выдвижения» в аппарат управления окружных и волостных органов лиц казахской национальности из султанской прослойки, то оренбургские администраторы практиковали обязательное назначение султанов-правителей на служебные должности. Также Западно-Сибирская администрация, опираясь на Устав 1822 года, допускала большую самостоятельность юрисдикции обычного права казахов по сравнению с оренбургской, которая без учета объективных условий края и своих реальных возможностей в способностях регулировать весьма своеобразные гражданско-правовые процессы внутри кочевого народа сильно сужала на практике юрисдикционную самостоятельность правовых институтов казахов, что вызывало трудности для нормального функционирования самих органов управления Оренбургского ведомства (Абдрахманова, 2010: 103).

Реформами 1822–1824 гг. была ликвидирована ханская власть, а следовательно, и политическая самостоятельность обоих жузов. Практически ханская власть была отменена сверху, без хотя бы видимого согласия одно- или многосторонних переговоров с влиятельными султанами (Койгельдиев, 2002: 10; Касымбаев, 1996: 58).

Согласно заключению А.Ю. Быкова, звание хана, по мнению царской администрации, стало постепенно восприниматься как должность. Но самими казахами данный институт по-прежнему понимался традиционным образом (Быков, 2006: 132). Так, если российские исследователи историю ханской власти у казахов заканчивают введением рассмотренных выше Уставов, то большинство казахских историков считают последним ханом Кенесары Касымова, следовательно, по этой интерпретации ханская власть просуществовала до 1847 г., т.е. до смерти Кенесары-хана. Кроме того, в казахском фольклоре Кенесары называется ханом, признанным всеми тремя жузами и даже за пределами Казахской степи.

«Ханом был, правил Кенесары,

Имя его вознеслось дальше трех жузов» (Бабалар..., 2006: 290).

Отдельные авторы, оценивая историческую значимость ликвидации ханской власти в казахских жузах, отмечают разрушительные последствия, другие указывают на положительные стороны, в итоге приведшие социум на путь развития, а иные принимают обе стороны. Также есть те, кто принимал данный процесс лояльно. Это зависело и от позиции исследователя. Например, по мнению М.К. Койгельдиева, «...казахская государственность в виде ханской власти была ликвидирована поэтапно. В течение почти столетия. Методы действия русской администрации в зависимости от конкретной ситуации менялись, но основная цель – уничтожение всех внешних проявлений национальной государственности – оставалась неизменной» (Койгельдиев, 2002: 10).

В числе негативных последствий можно перечислить следующие: российская административно-политическая система, вторгаясь в традиционную структуру общественных отношений казахов, неизбежно разрушала их... (Абдрахманова, 2010: 107); отмена ханской власти в Казахской степи фактически разрушила интегральную основу Казахского ханства как суверенного государства, и отсюда же начали постепенно обрушаться и остальные структурные элементы традиционной политической системы казахов (Ужкенов, 2020: 516); насильственное и неискusstное вторжение царской администрации в жизнеустройство номадов огромной степи привело к драматическим последствиям; строгая колониальная политика уничтожала традиционный общественно-социальный строй и сложившиеся порядки; принужденный переход к оседлости привел к сокращению пастбищных земель, количества скота, что в целом способствовало ухудшению благосостояния степного населения (Султанов, 2011: 111).

Отмечая некоторые позитивные моменты для казахского общества, возникшие после ликвидации ханской власти, следует указать на территориально-хозяйственный принцип организации кочевого населения в противоположность родовому, что в некоторой степени ограничило родовой и жузовый трайбализм. Кроме того, российские власти поставили окончательную точку в ограничении прав чингизидов и приравнивании к ним казахской элиты менее знатного происхождения (бии, батыры, старшины), обеспечив себе лояльность ее представителей (Быков, 2006: 130; Почекаев, 2017: 130). Таким образом, одним из видимых последствий ликвидации ханской власти в какой-то степени стала национальная консолидация и отчасти эгалитаризация социальных слоев населения Казахской степи.

Согласно выводам Б.М. Абдрахмановой, разрушительные последствия российского экономического и политического влияния, несмотря на всю катастрофическую болезненность его для казахского общества в конкретном пространственно-временном отрезке истории этого народа, т.е. в первой трети XIX века, имели позитивное значение для его дальнейшего развития (Абдрахманова, 2010: 109). Т. Султанов же считал, что принятие казахами царского протектората избавило народ от порабощения Джунгарским ханством, а также способствовало разложению в жузах родового быта, седентаризации (оседанию) казахского народа и приобщению к более развитой европейской цивилизации (Султанов, 2011: 111).

В целом же можно констатировать, что реформы системы органов власти и управления в Казахстане 1820–1840-х годов увенчались успехом и цель имперских властей в их проведении (усиление контроля российской администрации за казахскими правителями, внедрение в Казахстане имперских властных институтов) была достигнута. Более того, официальное закрепление полномочий российских

чиновников по регламентации внутренних дел казахов позволило имперским властям начать преобразования и по другому направлению – расширению сферы действия имперского законодательства на казахские жузы (Почекаев, 2017: 132). Так, процесс ликвидации традиционных институтов характеризует становление и развитие системы колониального управления (Быков, 2006: 130).

Вследствие упразднения ханской власти некоторая часть султанов-чингизидов начинает переходить в ряды чиновников царской России, в дальнейшем не представляя ощутимой угрозы для беспрепятственного проведения имперской политики в степи (Ужкенов, 2020: 518). Отдельная их часть выражала свое неприятие нового положения организацией вооруженных восстаний, вызванных реформами российского правительства, которые были чужды нравам и духу казахского народа всех трех жузов, которые, однако, зачастую заканчивались безрезультатно (Койгельдиев, 2002: 10).

5. Заключение

С изменением административного управления в Среднем и Младшем жузах некоторые чингизиды (султаны по происхождению), принимая новые, проводимые сверху условия, старались интегрироваться в новую систему в форме национального (туземного) чиновничества, как, например, старшие султаны окружных приказов в Среднем жузе или султаны-правители в Младшем жузе. Отдельная их часть выражала свое недовольство и выступала против трансформации управления казахами.

Ханская власть как социально-политический институт казахского общества исторически глубоко уходит в древний период. С постепенным включением казахских жузов в состав Российской империи социальная структура казахской общины постепенно меняется. Институт ханской власти у казахов просуществовал юридически до 1824 г., фактически же можно считать до 1847 года, когда казахский народ, как следует из фольклора, признал последним ханом всех трех жузов внука Абылай-хана, предводителя национально-освободительного движения Кенесары Касымова. И только после смерти хана заканчивается история ханской власти.

Российская сторона в связи с необходимостью создания единообразных территориальных единиц и системы управления в стране в целом старалась как можно быстрее узаконить юридически и фактически присоединение новых территорий Казахского ханства.

Как принято говорить, у медали две стороны (или, как у казахов, «таяқтың екі ұшы бар» – у палки есть два конца), и в оценке и осмыслении исторического значения ликвидации института ханской власти требуется объективное суждение. Исследователи в силу своей приверженности той или иной позиции по-разному интерпретировали и оценивали рассматриваемую проблему.

В целом для казахского народа имевшие место существенные негативные последствия в ходе указанных изменений с точки зрения зрения культурного развития будущих поколений (ликвидация данного института и введение взамен него новых административно-управленческих преобразований, произошедших в Казахской степи) способствовали формированию начального фундамента гражданского общества, а институт ханской власти как элемент кочевой цивилизации рано или поздно был обречен на уничтожение.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта ИРН АР08052271 «Новые рассекреченные российские архивы о неизвестных страницах жизни и деятельности казахских ханов, султанов, батыров (XVIII – первая половина XIX вв.)».

Литература

Абдрахманова, 2010 – Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Караганда: Типография «Гласир», 2010. 380 с.

Атыгаев, 2015 – Атыгаев Н.А. Казахское ханство в потоке истории. Очерки. Алматы: «Издательство Елтаным», 2015. 384 с.

Бабалар..., 2006 – Бабалар сөзі: Жүз томдық. Т. 29: Тарихи жырлар. Астана: «Фолиант», 2006. 400 б.

Бабалар..., 2012 – Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Т. 88: Тарихи аңыздар. Астана: «Фолиант», 2012. 432 б.

Бекмаханов, 1957 – Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1957. 335 с.

Бикенов, Жакин, 2003 – Бикенов А.Х., Жакин М.С. Принципы передачи ханской власти в традиционном казахском обществе (по материалам XVIII в.) / *Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: Международный Евразийский форум (III научная конференция): Тезисы докладов и сообщений* / Под ред. А.П. Толочко. Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. С. 78-79.

Быков, 2006 – Быков А.Ю. Ханская власть у казахов: звание и/или должность // *Этнографическое обозрение*. 2006, № 3. С. 127-148.

Валиханов, 1985 – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Глав. ред. КСЭ, 1985. Т. 2. 416 с.

Вяткин, 1947 – Вяткин М.П. Батыр Срым. М.-Л.: изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. 392 с.

Георги, 1799 – *Георги И.* Описание всех обитающих в российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / В четырех частях. СПб., 1799. Ч. 2. 186 с.

Гундова, 2021 – *Гундова О.Е.* Институт ханской власти у казахских родов... в оценках отечественных ученых и чиновников (XVIII – начало XIX в.) // *Известия АлтГУ. Исторические науки и археология.* 2021. № 2(118). С. 19-23.

Далаева, 2011 – *Далаева Т.Т.* Ритуал возведения в ханское достоинство: проблемы трансформации формы и содержания // *Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки».* № 2(29). 2011. С. 15-24.

Ерофеева, 1996 – *Ерофеева И.* Титул и власть: к проблеме типологии института ханской власти в Казахстане в XVIII – начале XIX вв. // *Казахстан и мировое сообщество.* № 4. 1996. С. 37-46.

Зиманов, 2009 – *Зиманов С.З.* Политический строй Казахстана первой половины XIX века и Букеевское ханство. Алматы: Изд-во «Арыс», 2009. 496 с.

История Казахстана..., 1997 – *История Казахстана* (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том 2. Алматы: «Атамұра», 1997. 624 с.

Кабульдинов, 2018 – *Кабульдинов З.Е.* Султанмамет султан: государственный деятель, дипломат и батыр. Издание 1-ое. Алматы, 2018. 304 с.

Касымбаев, 1996 – *Касымбаев Ж.* Ликвидация казахской государственности (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // *Казахстан и мировое сообщество.* № 4. 1996. С. 53-61.

Козыбаев, 1996 – *Козыбаев М.* Некоторые проблемы казахской государственности // *Казахстан и мировое сообщество.* № 4. 1996. С. 3-12.

Койгельдиев, 2002 – *Койгельдиев М.К.* Казахская государственность и национальная элита // *Отан тарихы. Отечественная история.* 2002. № 4. С. 7-16.

Кумекоев, 2015 – *Көмеков Б.Е.* Қазақ мемлекеттілігінің тарихы және Қазақ хандығы. Алматы: Қазақ университеті, 2015. 46 б.

Лапин, 2012 – *Лапин Н.С.* Деятельность О.А. Игельстрома в контексте казахско-российских взаимоотношений (1780-е – 1790-е годы). Астана: Издательство «Сарыарка», 2012. 384 с.

Левшин, 1996 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / Под общ. ред. М.К. Козыбаева. Алматы: Санат, 1996. 656 с.

Мажитова, 2014 – *Мажитова Ж.С.* Место и роль биев в системе ханской власти в оценках российских исследователей (XVIII – первая половина XIX в.) // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия «История».* 2014. № 3. С. 91-100.

Материалы..., 1969 – *Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв.* (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. 651 с.

Моисеев, 1999 – *Моисеев В.А.* Русские ученые и путешественники XVIII – начала XIX в. о государственности и ханской власти у казахов // *Россия и Восток: проблемы взаимодействия.* Новосибирск, 1999. Ч. II. С. 5-7.

Почекаев, 2017 – *Почекаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XIX вв. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сулейменов, Басин, 1981 – *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. 247 с.

Султанов, 2011 – *Султанов Т.* Рождение казахской государственности. История Казахского ханства. Изд. второе. Алматы: Мектеп, 2011. 160 с.

Тленшина, Паршин, 2016 – *Тленшина Г.М., Паршин И.А.* Институт ханской власти в традиционном обществе казахов (историография проблемы) / *Исторические исследования: Материалы IV Междунар. науч. конф.* Казань: Бук, 2016. С. 102-107.

Традиционное казахское..., 2014 – *Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.).* Монография / коллектив авторов. Барнаул: АЗБУКА, 2014. 272.

Ужкенов, 2020 – *Ужкенов Е.М.* Активизация колониальной политики и отмена ханской власти в Младшем жузе // *Из истории Казахстана (XVIII – начало XIX веков): Коллект. монография / Под ред. Кабульдинова З.Е.* – Алматы: Изд-во ИП «Базарбаева», 2020. С. 491-525.

Shotanova i dr., 2022 – *Shotanova, G.A., Uzhkenov, E.M., Dzhumagalieva, K.V.* The Steppe Elite of the Kazakhs of the Junior Horde in the Period of Vassalage: New Approaches and Problems of Rethinking // *Bylye Gody.* 2022. 17(2): 590-603.

References

Abdrakhmanova, 2010 – *Abdrakhmanova, B.M.* (2010). Istoriia Kazakhstana: vlast', sistema upravleniia, territorial'noe ustroistvo v XIX veke [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the XIXth century]. Karaganda: tipografiia «Glasis». 380 p. [in Russian]

- Atygaev, 2015** – *Atygaev, N.A.* (2015). *Kazakhskoe khanstvo v potoke istorii. Ocherki* [Kazakh Khanate in the flow of history. Essays] Almaty: «Izdatel'stvo Eltanym». 384 p. [in Russian]
- Babalar..., 2006** – Babalar sozi: Zhuz tomdyk. T. 29: Tarikhi zhyrlar [The words of the ancestors: One hundred volumes. Volume 29: Historical poems]. Astana: «Foliant», 2006. 400 p. [in Kazakh]
- Babalar..., 2012** – Babalar sozi: Zhuztomdyk. T. 88: Tarikhi anyzdar [The words of the ancestors: One hundred volumes. Volume 88: Historical legends]. Astana: «Foliant», 2012. 432 p. [in Kazakh]
- Bekmahanov, 1957** – *Bekmahanov, E.B.* (1957). *Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii* [Kazakhstan's accession to Russia]. Moskva: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 335 p. [in Russian]
- Bikenov, Zhakin, 2003** – *Bikenov, A.Kh., Zhakin, M.S.* (2003). *Printsipy peredachi khanskoi vlasti v traditsionnom kazakhskom obshchestve (po materialam XVIII v.)* [The principles of the transfer of khan power in the traditional Kazakh society (based on the materials of the XVIIIth century)]. *Stepnoi krai Evrazii: istoriko-kul'turnye vzaimodeistviia i sovremennost': Mezhdunarodnyi Evraziiskii forum (III nauchnaia konferentsiia): Tezisy dokladov i soobshchenii*. Pod red. A.P. Tolochko. Omsk: Omsk.gos.un-t. Pp. 78-79. [in Russian]
- Bykov, 2006** – *Bykov, A.Iu.* (2006). *Khanskaia vlast' u kazakhov: zvanie i/ili dolzhnost'* [Khan power of the Kazakhs: rank and/or position]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3: 127-148. [in Russian]
- Dalaeva, 2011** – *Dalaeva, T.T.* (2011). *Ritual vozvedeniia v khanskoe dostoinstvo: problemy transformatsii formy i soderzhanii* [The ritual of erection into the khan's dignity: problems of transformation of form and content]. *Vestnik KazNPU im. Abaia. Ser. Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki*. 2(29): 15-24. [in Russian]
- Erofeeva, 1996** – *Erofeeva, I.* (1996). *Titul i vlast': k probleme tipologii instituta khanskoi vlasti v Kazakhstane v XVIII-nachale XIX vv.* [Title and power: to the problem of the typology of the institute of khan power in Kazakhstan in the XVIII-early XIX centuries]. *Kazakhstan i mirovye soobshchestvo*. 4: 37-46. [in Russian]
- Georgi, 1799** – *Georgi, I.* (1799). *Opisanie vsekh obitaiushchikh v rossiiskom gosudarstve narodov. Ikh zhiteiskikh obriadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamiatnosti. V chetyrekh chastiakh* [Description of all the peoples living in the Russian state. Their everyday rituals, habits, clothes, dwellings, deed, amusements, religions and other memorabilia. In four parts]. S.-Petersburg. Ch. 2. 186 p. [in Russian]
- Gundova, 2021** – *Gundova, O.E.* (2021). *Institut khanskoi vlasti u kazakhskikh rodov... v otsenkakh otechestvennykh uchenykh i chinovnikov (XVIII-nachalo XIX v.)* [The institution of khan power of the Kazakh tribes... in the assessments of domestic scientists and officials (XVIII – the beginning of the XIX centuries)]. *Izvestiia AltGU. Istoricheskie nauki i arkheologii*. 2(118): 19-23. [in Russian]
- Istoriia Kazakhstana..., 1997** – *Istoriia Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei)* [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day)]. In five volumes. Vol. 2. Almaty: «Atamura», 1997. 624 p. [in Russian]
- Kabul'dinov, 2018** – *Kabul'dinov, Z.E.* (2018). *Sultanmamet sultan: gosudarstvennyj dejatel', diplomat i batyr* [Sultanmamet Sultan: statesman, diplomat and batyr]. Izdanie 1-oe. Almaty. 304 p. [in Russian]
- Kasymbaev, 1996** – *Kasymbaev, Zh.* (1996). *P. Likvidatsiia kazakhskoi gosudarstvennosti (vtoraia polovina XVIII – pervaiia polovina XIX vv.)* [Liquidation of the Kazakh statehood (the second half of the XVIII – the first half of the XIX centuries)]. *Kazakhstan i mirovye soobshchestvo*. 4: 53-61. [in Russian]
- Koigel'diev, 2002** – *Koigel'diev, M.K.* (2002). *Kazakhskaia gosudarstvennost' i natsional'naia elita* [Kazakh statehood and national elite]. *Otan tarikhy. Otechestvennaia istoriia*. 4: 7-16. [in Russian]
- Kozybaev, 1996** – *Kozybaev, M.* (1996). *Nekotorye prolemy kazakhskoi gosudarstvennosti* [Some problems of Kazakh statehood]. *Kazakhstan i mirovye soobshchestvo*. 4: 3-12. [in Russian]
- Kumekov, 2015** – *Kumekov, B.E.* (2015). *Kazak memlekettiliginin tarikhy zhane Kazak khandygy* [History of Kazakh statehood and Kazakh khanate]. Almaty: Kazak universiteti, 46 p. [in Kazakh]
- Lapin, 2012** – *Lapin, N.S.* (2012). *Dejatel'nost' O.A. Igel'stroma v kontekste kazahsko-rossijskikh vzaimootnoshenij (1780-e – 1790-e gody)* [Activity of O.A. Igelstrom in the context of Kazakh-Russian relations]. Astana: Izdatel'stvo «Saryarka». 384 p. [in Russian]
- Levshin, 1996** – *Levshin, A.I.* (1996). *Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei* [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]/ pod obshch. red. M.K. Kozybaeva. Almaty: Sanat. 656 p. [in Russian]
- Materialy..., 1969** – *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV - XVIII I vv. (izvlecheniia iz persidskikh i tiurkskikh sochinenii)* [Materials on the history of the Kazakh khanates of the XV-XVIII centuries (excerpts from Persian and Turkic writings)]. Alma-Ata, 1969. 651 p. [in Russian]
- Mazhitova, 2014** – *Mazhitova, Zh.S.* (2014). *Mesto i rol' biev v sisteme khanskoi vlasti v otsenkakh rossiiskikh issledovatelei (XVIII – pervaiia polovina XIX v.)* [The place and role of the biys in the system of khan power in the assessments of Russian researchers (XVIII – the first half of the XIX centuries)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Seriia «Istoriia»*. 3: 91-100. [in Russian]
- Moiseev, 1999** – *Moiseev, V.A.* (1999). *Russkie uchenye i puteshestvenniki XVIII – nachala XIX v. o gosudarstvennosti i khanskoi vlasti u kazakhov* [Russian scientists and travelers of the XVIII – early XIX centuries. On statehood and khan power of the Kazakhs]. *Rossiia i Vostok: problemy vzaimodeistviia*. Novosibirsk. Ch. II. Pp. 5-7. [in Russian]

Pochekaev, 2017 – *Pochekaev, R.Iu.* (2017). Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XIX vv. [Governors and khans. Personal factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia: XVIII – early XIX centuries]. M.: Izd.dom Vysshei shkoly ekonomiki. 384 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Shotanova i dr., 2022 – *Shotanova, G.A., Uzhkenov, E.M., Dzhumagalieva, K.V.* (2022). The Steppe Elite of the Kazakhs of the Junior Horde in the Period of Vassalage: New Approaches and Problems of Rethinking. *Bylye Gody*. 17(2): 590-603.

Sulejmenov, Basin, 1981 – *Sulejmenov, B.S., Basin, V.Ja.* (1981) Kazahstan v sostave Rossii v XVIII – nachale XX veka [Kazakhstan as part of Russia in the XVIII – early XX centuries]. Alma-Ata: «Nauka» KazSSR. 247 p. [in Russian]

Sultanov, 2011 – *Sultanov, T.* (2011). Rozhdenie Kazakhskoi gosudarstvennosti. Istoriia Kazakhskogo khanstva [Birth of Kazakh statehood. History of the Kazakh Khanate]. Izd.vtoroe. Almaty: Mektep. 160 p. [in Russian]

Tlenshina, Parshin, 2016 – *Tlenshina, G.M., Parshin, I.A.* (2016). Institut khanskoj vlasti v traditsionnom obshchestve kazakhov (istoriografiia problemy) [The institute of khan power in the traditional society of the Kazakhs (historiography of the problem)]. *Istoricheskie issledovaniia: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. Kazan'*: Buk. Pp. 102-107. [in Russian]

Traditsionnoe kazakhskoe..., 2014 – Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noe politike Rossiiskoi imperii: kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.) [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual foundations and implementation mechanisms (XIX – early XX centuries)]. Monografiia. Kollektiv avtorov. Barnaul: AZBUKA, 2014. 272 p. [in Russian]

Uzhkenov, 2020 – *Uzhkenov, E.M.* (2020). Aktivizatsiia kolonial'noi politiki i otmena khanskoj vlasti v Mladshem zhuzhe [Activation of colonial policy and the abolition of khan power in the Little Zhuz]. *Iz istorii Kazakhstana (XVIII – nachalo XIX vekov): kollekt. monografiia*. Pod red. Kabul'dinova Z.E. Almaty: Izd-vo IP «Bazarbaeva». Pp. 491-525. [in Russian]

Valikhanov, 1985 – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). Sobranie sochinenii v piati tomakh [Collected works in five volumes]. Alma-Ata: Glav. red. KSE. T. 2. 416 p. [in Russian]

Vjatkin, 1947 – *Vjatkin, M.P.* (1947). Batyr Srym [Batyr Srym]. M.-L.: izd. i 1-ja tip. Izd-va Akad. nauk SSSR. 392 p. [in Russian]

Zimanov, 2009 – *Zimanov, S.Z.* (2009). Politicheskii stroi Kazakhstana pervoi poloviny XIX veka i Bukeyevskoe khanstvo [The political system of Kazakhstan in the first half of the XIX th century and the Bukey Khanate]. Almaty: Izd-vo «Arys». 496 p. [in Russian]

Современные исследования об институте ханской власти у казахов в имперский период

Нургуль Нурсултановна Курманалина ^{a, *}, Тимур Азизбекович Рыскулов ^a,
Зиябек Ермуханович Кабульдинов ^a, Олжас Бекенулы Куанбай ^b

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Университет Анкара. г. Анкара, Республика Турция

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы современной историографии, касающиеся истории и эволюции ханской власти в традиционном казахском обществе периода Нового времени. Ханская власть у казахов имеет глубокие корни своего происхождения, уходящие в древний период, однако институционально она оформляется в эпоху Средних веков – время монгольских завоеваний. В российской дореволюционной историографии институт ханской власти преимущественно не выделялся из общего контекста казахской истории в отдельный предмет изучения. Ситуация стала меняться в советский период, когда особое внимание уделялось государственно-правовым аспектам развития казахского общества Нового времени. Современная казахстанская и российская историография проблемы представлена работами, написанными с применением новых научных подходов и теоретических концепций. Вместе с тем в изучении института ханской власти все еще остается ряд неизученных аспектов, а также не дана оценка ханской власти у казахов и ее роли в ослаблении и упадке Казахского ханства.

Ключевые слова: чингизиды, султаны, институт ханской власти, казахские жузы, Российская империя, система управления.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nurgulca@mail.ru (Н.Н. Курманалина)